

**ФИЛОСОФИЯ БЫТИЯ ГУЦУЛЬЩИНЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ЮМОРА В УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

Т.В. Быкова

Ключевые слова: текст, юмор, художественное творчество, поэтика, Гуцульщина.

Keywords: text, humor, arts, poetics, Hutsulshchina.

В украинской литературе начала XX века среди тем, которые больше всего интересовали писателей того времени, особое место принадлежит художественно-философскому изображению бытия Гуцульщины. Прежде всего, это было связано с непостижимой и величественной красотой гуцульского экзотического края. Многие художники слова стремились исследовать загадочный мир Карпат, доискаться причин неисчерпаемой энергии духа его жителей-гуцулов.

Интерес к гуцульской тематике проявляли как писатели-гуцулы (Ю. Федькович, С. Воробкевич, Марко Черемшина, М. Атаманюк, М. Козорис, А. Крушельницкий, А. Манчук и др.), так и литераторы, которые при определенных жизненных обстоятельствах находились на Гуцульщине в разные периоды своей жизни (М. Коцюбинский, О. Олесь, В. Гжицкий, Х. Алчевская, И. Хоткевич и др.). Увидев удивительный, нетронутый цивилизацией Карпатский край, восточно-украинские писатели не без восхищения и любви воплощали все увиденное в искусство слова. Таким образом, в начале XX века в украинской литературе выделяется «отдельная ветвь – гуцульское тематическое стилевое течение» [Денисюк, 2005, с. 3]. Гуцульщина предстает в произведениях писателей того времени в разных ипостасях, как своеобразный организм, со временем растущий и развивающийся, приобретающий «зрелый» вид и получающий в процессе своего формирования необходимые знания. В таком понимании юмор, являясь составляющим элементом жизненного пространства всего «разумного», логично становится неотъемлемой частью бытия Гуцульщины.

К «чужим» писателям, которые величием художественного слова воспели этот необычный горный край, принадлежит украинский автор, представитель Восточной Украины, Игнатий Хоткевич. «Гуцульский» период жизни писателя наполнен прозаическими («Каменная душа», «Горные акварели», «Довбуш», «Авирон», «Гуцульские картинки»), а также драматическими произведениями – пьесы «Верховинцы», «Довбуш», «Гуцульский год», «Непростое», «Практичный поляк» и пр.

Литературное творчество писателя исследовали в своих научных трудах многие украинские ученые, в частности: П. Арсенич, А. Болабольченко, Я. Партала, И. Пелипейко, И. Приходько, Ф. Погребенник, В. Стефюк, В. Шевчук и другие. Однако характеристике особенностей использования юмора в прозаическом наследии художника не было уделено особого внимания.

Все гуцульские рассказы Хоткевича построены на основе впечатлений от увиденного и услышанного писателем во время путешествия по Гуцульщине. С точностью корреспондента писатель стремится воссоздать все чувства, эмоции, целую гуцульскую жизнь, увиденную собственными глазами. Находясь под впечатлением красоты этого экзотического края, с позиции неместного жителя автор раскрывает эпизоды повседневной жизни гуцулов, где юмора значительно меньше, чем хотелось бы увидеть или услышать. Однако такое отношение к представлению материала не свидетельствует о незаинтересованности автора гуцульским юмором или отсутствии комических либо смешных ситуаций в их жизни. Юмористическая тематика стала центральной темой рассказов И. Хоткевича «Блуд», «Волшебная палка», «Две дьячихи», «Пожарище», «В корчме», «Гуцул», «Утро» и др.

В рассказе «Блуд» юмором наполнены довольно необычные жизненные ситуации, когда представитель степного региона не понимает некоторых особенностей культуры, быта и обычаев карпатских жителей. Непонимание гуцулами позиции степняка вызывает немало комических ситуаций, в которые попадает непосредственно автор-рассказчик. Причем довольно интересно наблюдать, что, собственно, специально гуцулы не хотят видеть объектом насмешки действия самого автора, не стремятся они и стать объектом юмора с его стороны, остаются серьезными и неуязвимыми эмоционально во время развертывания события. Повествование в произведении построено таким образом, что читатель сам должен понять, над чем стоит искренне смеяться, а что является своеобразным моральным наставлением с помощью незлобной улыбки.

Рассказ «Блуд» не является вполне юмористическим, потому что начинается довольно трагически: автор-рассказчик вместе с маленьким мальчиком заблудился в горах в лесных чащах. В процессе неспешных размышлений-воспоминаний событий, которые предшествовали трагической ситуации, становится понятно, что виновным является «блуд». Это понятие в произведении раскрывается с позиции опытного гуцула: *«То є нечїсть така, шо си ловит чоловіка, тай мусиш їзблудити, хучь би єк дорогу знав»* [Хоткевич, 1931, с. 215].

Г. Хоткевич в процессе развития события выбирает позицию активного наблюдателя за собственными эмоциями, подробно фиксируя весь ход изменений своего внутреннего состояния: *«Страх мене взяв. Це ж воно сидить десь, бідне хлоп'я, під деревом, може плаче... Страх обхоплює дужче, уява починає малювати жахливі картини (письменники, вони ж спеці по цій часті)... Одчай заповз у душу. Хвилини здаються годинами. Іду вже наосліп, трачу свідомість і – натрапляю на свого хлопця. Воно сиділо-сиділо й заснуло, притулившись спинкою до дерева... Ну, скажіть самі – хіба несе діло рук нечистої сили»* [Хоткевич, 1931, с. 214]. В данной ситуации выбор именно такой формы представления материала лучше воспроизводит весь ход размышлений автора, служит непосредственным подтверждением предварительно изложенному мнению опытного гуцула. Создается впечатление, что автор ищет в собственных эмоциях доказательство существования «блуда».

На самом деле, оказывается, виновным является сам рассказчик, ведь не захотел послушаться опытных гуцулов, не поверил, что так легко можно заблудиться в лесу, потеряв ориентировку на местности: *«Чув я про Чорногору й її особливу красу. Вийшовши на грунь, бачив тасмні, в туман далечини повті контури, а гуцули мені казали: ото Говерля, ото Пип Іван... І надумав я, безсила нікчемна ленка (так гуцулы называют одетых не в гуцульский убор или интеллигентов. – Т.Б.), зробити прогулку по Чорногорі. Сам... Для більшої приступності вражисьь...»* [Хоткевич, 1931, с. 214].

Однако именно юмористическое отношение к событиям, которые произошли в жизни героя, и помогает ему преодолеть напряжение, посредством улыбки «спрятать» в душе страх за безысходность, сориентироваться на местности, «включить» разум, а не чувственную сферу. Путем воспоминаний всех событий, которые предшествовали их «углублению» в Черногору, автор стремится одновременно и «подавить» страх, что запал в душу, и адекватно спокойно реагировать на такое «приключение» в горах.

События, которые вспоминает автор, по насыщению юмора и за объектом юмора разные. Наиболее эмоционально нагруженной есть история с пшеном, который захотел приобрести рассказчик, чтобы по чумацкой традиции в пути сварить кулеша. Здесь происходит своеобразное «наложение» двух культур и двух традиций, когда рассказчик, вводя собственную традицию казацких походов в горах, а не в степи, не учитывает местных особенностей. В комическую ситуацию попадают как рассказчик, так и гуцулы. В качестве объекта комизма рассказчик выступает в момент собственного рассуждения, что в гуцульской корчме

среди гор можно купить все: *«Це гуцульський Мюр і Мериліз (крупнейший торговый центр в Москве в начале XX века. – Т.Б.), як говорилося давніше, чи універмаг, як говориться тепер. У корчмі ви можете дістати все, «ну рахувати – все», так бодай мене запевняли гуцули. І я йшов туди з думкою купити ананасів, електричний прилад для манікюру й ще інші дрібниці. А насамперед пиона»* [Хоткевич, 1931, с. 215].

Объектом юмора становятся и гуцулы, например, в эпизоде, когда не могут понять значение слова «пшено». Опытные гуцулы просят совета у старшего гуцула, «патриарха семьи», который «объясняет» «пшено» как пшеницу. Таким «пояснением» он и «раскрывает глаза» рассказчику на перспективу «купить все» в корчме. Стоит заметить, что комизм ситуации, проявляется, собственно, при оценке ее читателем, который невольно становится наблюдателем события – ни рассказчик, ни гуцулы не смеются друг над другом. Рассказчик информирует реципиента таким образом, чтобы читатель как наблюдатель события со своей стороны сумел оценить комизм ситуации.

Добрый «гуцульский» юмор демонстрирует автор в ситуации с гуцулом-поводырем, смеющимся над своей шуткой про молодую ель, на которую много лет назад надел катушку для ниток: *«Смерічка росла – і підіймала разом із своїм вершком і катушку. І тепер вона, та катушка, висо-око! Хіба не смішно? І сміялися ми обоє. І сонце з нами сміялося»* [Хоткевич, 1931, с. 219]. Такая добрая улыбка, искренность гуцула улучшает атмосферу общения между друзьями, свидетельствует об открытости души гуцула, способности и в простых жизненных буднях найти повод для поднятия настроения, положительно настроить собеседника на восприятие нужной информации.

Однако иногда такая детская наивность оборачивается и против гуцула. Например, в ситуации, когда все тот же гуцул Иосиф в трюльвовом пне у дороги скорее по привычке, чем по логике хочет отыскать тайных сокровищ опришков-разбойников. «Солнцеподобная улыбка» гуцула при этом вызывает у рассказчика шутовское удивление над недостаточной рассудительностью поступка Иосифа.

В произведении автор вспоминает все события, когда по очереди то он, то гуцулы выступали объектами юмора. Однако лишь через некоторое время становится понятно, что большинство ситуаций, которые могли, по мнению автора, случиться с рассказчиком, можно было обойти. Здесь причина, по мнению писателя, прежде всего находится в непонимании соотношения двух различных культур: *«І тільки потім, поживши трохи на Гуцульщині, я зрозумів, що не всі думки, які здаються геніальними, є такими в дійсності. І що треба було бути зовсім сліпою*

людиною, щоб думати, що в Чорногорі можна йти от так собі, як на проспекті» [Хоткевич, 1931, с. 217].

Таким образом «развенчивается» культ гениальности рассказчика. Ведь читатель фактически должен воспринимать его больше как человека интеллигентного, образованного, однако на самом деле он неопытен в общении с гуцулами. Своеобразным доказательством этой позиции выступает диалог двух гуцулов, из которого (как оказывается на удивление автора) один, имея физическое несовершенство, является более сильным, «стопроцентным гуцулом» в моральном плане. Мнение такого гуцула стоит большего внимания здесь в горах: *«А Соломіїчук хіба не горець, хіба не стопроцентовий гуцул? І виходило, що ні. Він більше в селі, а оцей у полонинах, у властивих горах, так би сказати, в горах у квадраті»* [Хоткевич, 1931, с. 217].

Оценивая диалог гуцулов, автор дает возможность читателю с юмором отнестись к собственно авторской искренней наивности. Не перетягивая юмористический акцент повествования, герой вспоминает до мельчайших подробностей все веселые эпизоды их путешествия горами. Искрометным юмором наполнены воспоминания о встрече с маленькой девочкой, дочкой лесника, вызывающей добрую улыбку из-за неумения еще четко говорить; юмористическая ситуация с ожиданием лесником богатого гостя; шутливая история гуцула Иосифа о деяниях нечистой силы над неместными; собственные мысли рассказчика, когда он, по его мнению, по настоянию черта решил не дорогой широкой идти, а выбрал непролазные чащи, чтобы сократить себе путь. Автору-рассказчику удается ловко удерживать внимание читателя вокруг той ситуации, в которую он попал. С одной стороны, реципиент уже предвкушает по юмористической тональности повествования, что рассказчик и маленький мальчик найдут выход из леса, а с другой — сопереживает главному персонажу, ведь по замыслу автора невольно углубляется в его мысли.

Так создается эффект присутствия читателя в произведении, мысли персонажа становятся собственно мыслями самого реципиента, которые полны оптимистического взгляда на жизнь, даже несмотря на трагичность ситуации: *«Насамперед – що таке мох? Оце собі хто-й-зна яке лушпиннячко якесь – то оце й єсть мох? Чи може це само собою, а мох само собою? Якщо це мох, то він же, бісів син, росте на всіх чотирьох сторонах світу – і од захід, і од схід і по ньому ніяк до архікнязя не попадеш. А якщо не це мох, то ох! Де ж той мох?»* [Хоткевич, 1931, с. 223].

Таким образом, автор отправляет читателя искать ответ в собственных мыслях, побуждая задуматься его, а что бы он сделал в такой

ситуации. Развязка произведения наступает внезапно, ведь выход рассказчик находит довольно быстро, благодаря «могучему человеческому интеллекту»: выйти из гор можно ручьем, впадающем в реку, которая протекает возле дома лесничего: *«І я почав їти так, щоб натрапити на потік. І – натрапив! І зійшов униз, на ту саму дорогу, якою я не хотів був їти»* [Хоткевич, 1931, с. 223].

Юмористические воспоминания рассказчика помогли ему внутренне успокоиться, настроили на логическое мышление, что и позволило сориентироваться в довольно сложной ситуации. Последствия приключения, в которое попал рассказчик, могли не быть такими счастливыми, ведь лесничий, первым встречающий его из страшной поездки, констатирует: *«Ну, щастя ваше, що ви схаменулися скоро. Бо ви там і тиждень могли б блудити»* [Хоткевич, 1931, с. 223]. В представленной ситуации довольно юмористически выглядит комментарий рассказчика: *«Так от і я знаю, що таке є блуд... (прошу не розуміти мене криво)»* [Хоткевич, 1931, с. 223]. Такой «легкий» юмор служит шутивным намеком рассказчика на настоящую, более прозаическую причину «блуда» горами, дает читателю возможность в довольно прозрачной форме понять авторский юмористический настрой. Кроме того, автор способствует решению читателя принять условия такой своеобразной комедийной игры в поисках причин «блуда», где собственная неосторожность и опрометчивость становятся настоящими виновниками событий, развернувшихся в жизни рассказчика в Черногории.

Среди гуцульских рассказов Хоткевича особое место принадлежит и рассказу «Две дьячихи». По своим художественным признакам это чисто юмористический рассказ об отношениях двух гуцулок, на которые отложили отпечаток общественные процессы начала XX века. Выбирая при описании их отношений позицию рассказчика, автор детально воспроизводит последствия изменения внутреннего мира бывших простых гуцулок, которые путем бракосочетания стали выше обычных крестьянок на иерархической ступени – одной удалось выйти замуж и уехать из села в город Станиславов, другая стала сельской дьячихой.

В традициях гоголевской смеховой культуры описаны автором те события, которые происходят с двумя гуцулками после их неожиданной встречи в селе. Сама встреча возле узкой кладки через реку психологически предполагает своеобразную борьбу двух женщин. Борьба должна состояться как в физическом смысле, так в моральном, ведь кто-то должен уступить свое место, чтобы тоже проехать кладкой и не упасть в реку. В этой комической ситуации победительницей становится чувства обеих персонажей, мимоходом углубляясь в их сознание: *«Се був тріумф, але станіславівська дьячиха не показувала зовсім, як її се*

тішити, а тильно дивилася на дно Черемоша, неначе вбачила там щонайменше чудотворний образ.

А сільська дядчиха аж позеленіла, побачивши кому вона дала дорогу. Та чимборше схилилася і почала, мов би щось виколупувати з поміжи пальців – от 'їк би скалку чи що» [Хоткевич, 1931, с. 121]. По реакции станиславовской дьячихи становится понятно, что в моральном смысле эта борьба еще будет продолжаться, несмотря на такой «торжествующий» въезд в родное село.

Собственно «гуцульский» юмор проявляется в произведении в момент «общения» станиславовской дьячихи со старым гуцулом – фирмачом, извозчиком, что знал ее еще совсем маленькой. Природное остроумие старого гуцула лишний раз доказывает гордость и презрение в отношении ко всему гуцульскому со стороны «бывшей» гуцулки – станиславовской дьячихи, которая *«дивилася на нього, як на папуаса, по тричі перепитувала, що він говорить, так що гуцул нарешті плюнув і досить нетречно спитав: ...- На наших колачах вігдувала си та вже й нашу бесіду забула? А того не забула, ек я тебе зпавав у наших фасу лях, та задер запашишну та по голій ... вибив добре, абес знала, ек фасулі толочити?...Грубий, некультурний гуцул голосно називав такі часті тіла, про які станіславівська дядчиха навіть сумнівалася, чи взагалі вони можуть у неї існувати» [Хоткевич, 1931, с. 121].* станиславовская дьячиха. При этом автор с юмором анализирует внутренние

Раскрывая далее отношения двух «подружек», автор подтвердит высказанные слова гуцула о прошлой жизни дьячихи. Таким невольным авторским вмешательством Г. Хоткевич усиливает истинность мыслей гуцула в остроумной форме с позиции незаинтересованного наблюдателя: *«Станіславівська дядчиха виросла таки у цім селі, і подія, про яку так нетречно згадував гуцул, дійсно мала місце й була історичним фактом. Правда з того часу мала Одокійка встигла вирости, вийти заміж за таку особу, як дек у самім Станіславові...» [Хоткевич, 1931, с. 122].*

Незначительные на первый взгляд моменты, которые фиксирует автор в сознании читателя, создают полноценную картину пустоты внутреннего мира бывшей крестьянки, которая в городской жизни увидела лишь безмятежность: *«Ідучи сюда забирала з собою все, що тільки знаходилося блискучого в її хаті»*. С позиции опытной городской жительницы и происходит оценка деревенской действительности, в которую попадает станиславовская дьячиха.

Характеры двух «подружек» автор раскрывает во время многочисленных сравнений их поведения. Полноты восприятия образов добавляет углубление во внутренний мир персонажей, который для читателя остается открытым. Это позволяет реципиенту не только с юмором сле-

дить за событиями, разворачивающимися в произведении, но и увидеть внутренний мир двух дьячих, который они скрывают друг от друга.

Комический эффект создается путем сопоставления поведения героинь при их разговоре с реальными мыслями и намерениями. По логике развития событий станиславовская дьячиха получает моральную «победу»: автор подробно комментирует, по каким причинам произошла это «победа»: *«Поволі-поволі, але на всіх пунктах станіславська дьячиха одержала верх. Преці ж знала багато речей цілком невідомих сільській дьячисі: мала нервову кров, мала будз'як, лаковані черевики, а найголовніше – капелюхи. І з того моменту, коли сільська дьячиха смиренно й одверто признала вищість своєї станіславської колежанки – між ними запанувала цілковита гармонія»* [Хоткевич, 1931, с. 127].

Под ироническим финалом, фиксирующим факт временного «перемирия», скрыта тонкая сатира на общественную жизнь определенной прослойки женщин-гуцулок, которые в разной степени стали отстраненными от настоящей гуцульской жизни, а потому и не выступают носителями и продолжательницами традиций, обычаев и обрядов Гуцульщины. Происходит своеобразная констатация неизбежного влияния цивилизации на аутентичную, экзотическую с позиции цивилизации жизнь местных жителей. Собственно гуцульского в этом рассказе и остается, что старый гуцул, который пытается «обратить» бывшую гуцулку к гуцульскому восприятию действительности и «гуцульские» мысли сельской дьячихи, которые под тотальным влиянием станиславовской меняют свое направление. Констатацией такой, на первый взгляд, юмористической истории встречи двух «необычных» гуцулок автор стремится доказать читателю, что с утратой этнических ценностей изменяется их настоящая, внутренняя сакральная, ментальная и глубинная сущность.

Таким образом, исследуя особенности использования юмора в прозаических произведениях Г. Хоткевича, можем заметить следующее. Философское изображение бытия Гуцульщины сквозь призму юмора показано с двух сторон, прежде всего, с позиции интеллигента, человека, приехавшего из города, который стремится как можно скорее «слиться» с жителями-гуцулами. Это так называемый «чужой» взгляд на Гуцульщину, который четко сумел зафиксировать все процессы, происходящие в гуцульском селе начала XX века. Этот взгляд на Гуцульщину юмористическую можно увидеть в «Горных акварелях» и «Гуцульских образках» И. Хоткевича. С позиции «чужака» И. Хоткевич стремится постичь все величие и красоту Гуцульщины, исследовать первопричины несчастливой жизни гуцулов начала XX века. Поэтому он уделяет юмористическому аспекту восприятия действительности значительно меньше внимания, однако не исключает его вообще из гуцульской жизни.

Бытие Гуцульщины сквозь юмористическое измерение с позиции «стопроцентного» гуцула (это другая сторона изображения бытия гуцула, с его собственной позиции – Т.Б.) у Хоткевича предстает в двух ипостасях. Во-первых, такой юмор в гуцульских рассказах писателя возникает на границе столкновения двух культурных миров и традиций, где объектами юмора становятся как гуцулы, так и автор как представитель «чужого» для гуцулов мира. Во-вторых, стоит отметить наличие в его произведениях «стопроцентного» гуцульского юмора. Этот юмор звучит в репликах гуцулов, автор оценивает их поступки и остроумные замечания, комментарии, раскрывающие перед глазами реципиента совсем «другую» смеховую культуру. Однако, не будучи собственно гуцулом, Г. Хоткевич фиксирует эти вспышки гуцульского юмора фрагментарно, не стремясь специально рассмешить читателя. Таким построением художественного произведения писатель хочет не только заинтересовать реципиента, неискушенного в гуцульской жизни, но и побудить его к собственным размышлениям о месте юмора в жизни простого гуцула в начале XX века. Именно поэтому в «Горных акварелях», «Гуцульских образках» юмор присутствует и должным образом воспринимается как неременная составляющая целого аутентичного гуцульского мира.

Литература

- Гуцульщина: Историко-этнографічне дослідження. Киев, 1987.
Денисюк І. Гуцульські п'єси Гната Хоткевича // Хоткевич Г. Неопубліковані гуцульські п'єси. Луцьк, 2005.
Хоткевич Г.М. Твори. Харьков, 1931. Т. 7.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНИЦИАЦИИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

О.В. Яковлева

Ключевые слова: лингвоконцептуальные исследования, нулевой концепт, инициация, традиционная культура, сказка, обряд.

Keywords: linguistic and conceptual research, zero concept, initiation, traditional culture, fairy-tale, ceremony.

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2014

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philol_journal/

Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.В. Уразметова. Особенности животного мира в топонимических прозвищах штатов США	7
Е.Ю. Викторова. Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи	15
И.А. Пушкарева. Об интертекстуальных связях в современной газетной публицистике	27
Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская. Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ	35
М.В. Смоленцева. Лексико-семантический анализ номинантов концепта любовь на материале русских народных песен	46
О.Н. Владимиров. К проблеме лирических жанров (на материале стихотворений И.А. Бунина).....	54
Н.В. Ковтун. Эстетика национальной истории в творчестве В.Г. Распутина	63
Т.В. Устинова. Феномен выдвижения в стихотворной речи и языковое профилирование объекта и силы внимания языковыми средствами.....	78
Т.В. Быкова. Философия бытия Гуцульщины сквозь призму юмора в украинской литературе первой трети XX века	85
О.В. Яковлева. Концептуальное значение инициации в русских народных сказках	93
Т.П. Шастина. Образ Ойротии в журнале «Сибирь»	102

Научные сообщения

С.М. Веретельникова, И.А. Широких. Соблюдение норм написания авторского путеводителя (на материале «Halle (Saale), der Stadtfürer») ...	114
А.В. Игнатовская, А.А. Чувакин. К проблеме взаимодействия текстов	120
О.А. Степовая. Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы.....	127
В.П. Барбашов. Интенциональное значение «свастики» как отражение коллективной интенциональности в креолизованных текстах	131

Ю.Н. Земская, Е.А. Кузнецова. Спичрайтинг и копирайтинг: филология на службе у интегрированных маркетинговых коммуникаций.....	137
Н.В. Малинина. Разговорная речь в художественном тексте: современная русская миниатюра (жанр миниатюры в современной русской литературе).....	143
Е.В. Демидова. Характеристики персонажа во внутреннем мире текста: проблема варьирования при переводе (на материале англоязычных переводов рассказа В.М. Шукшина «Одни»).....	150
М.Б. Волощук. Текстологическая рецепция художественно-стилевых особенностей эпитетов в прозе Л. Толстого позднего периода (на материале рассказа «Чем люди живы»).....	156
А.М. Есентемирова. Стихотворение И. Бунина «Не пугай меня грозой» в переводе Абая Кунанбаева: проблема рецепции и источника перевода.....	161
О.В. Перова. Переложение псалмов в современной русской духовной поэзии.....	167

Филология : люди, факты, события

Ж.А. Голенко. Международная конференция «XI Поспеловские чтения–2013. Герменевтика. Интерпретация. Текстология – в новом тысячелетии» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–21 декабря 2013 г.).....	174
Т.В. Чернышова. Международная научная конференция «RÓŻNORODNOŚĆ KULTUROWA A STYL» (Opole, 18–19 сентября 2014 г., Польша).....	177
Л.Н. Тыбыкова. Всероссийская Олимпиада по тюркским языкам и литературе в Горно-Алтайском государственном университете	179
Резюме	182
Содержание журнала за 2014 год	202
Наши авторы	207

CONTENTS

Articles

A.V. Urazmetova. Peculiarities of Fauna in Toponymic Nicknames of the US States	7
E.Y. Viktorova. Discourse Markers of Different Types in Spoken and Written Academic Speech.....	15
I.A. Pushkareva. About Intertextual Connections in Contemporary Newspaper Social and Politic Journalism.....	27
N.S. Dankova, T.V. Dubrovskaya. Representation of the Opposition «Judicial Power – People» in Russian Printed Mass Media Discourse.....	35
M.V. Smolentseva. Lexical-Semantic Interpretation of Nominees of the Concept <i>love</i> as Exemplified in Russian Folksongs	46
O.N. Vladimirov. The Problem of Lyric Genres (Based on Poems by Ivan Bunin)	54
N.V. Kovtun. Aesthetics of national history in the work of V.G. Rasputin	63
T.V. Ustinova. Foregrounding in Poetic Speech and Linguistic Focusing of Attention	78
T.V. Bykova. Philosophy of Life through the Prism of Hutsulshchina Humor in Ukrainian Literature of the First Third of the Twentieth Century	85
O.V. Yakovleva. The Conceptual Meaning of an Initiation in Russian Folk Fairy-Tales.....	93
T.P. Shastina. The Image of Oirotia in <i>Sibir</i> Journal	102

Scientific reports

S.M. Veretelnikova, I.A. Shirokikh. Following the Standards of a One Author Guide-Book Writing (Based on «Halle (Saale), der Stadtfürer»)	114
A.V. Ignatovskaya, A.A. Chuvakin. To the Problem of Texts Interactions..	120
O.A. Stepovaya. The Proper Name as a Curtailed Text: Discovering the Problem	127
V.P. Barbashov. Intentional Meaning of Swastika as a Repulse of Collective Intentionality in Creolized Texts	131

Yu.N. Zemskaya, E.A. Kuznetsova. Speechwriting and Copywriting: Philology at the Service of Integrated Marketing Communications	137
N.V. Malinina. Spoken Discourse in the Literary Text: Short Cycles of Texts in Contemporary Russian (the Genre of <i>Miniature</i> in Contemporary Russian Literature).....	143
E.V. Demidova The Character's Features in the Inner World of the Text: Problem of Their Variation in the Process of Translation (on a Material of the English Translations of V.M. Shukshin's Story «All Alone»)	150
M.B. Voloshchuk. The Textual Reception of Epithet's Artistic and Styles Build in the Latest Fiction of L. Tolstoy (on the Material of the Story «What Men Live By»)	156
A.M. Esentemirova. The Poem by I. Bunin «Do not Scare Me with the Storm» Translated by Abay Kunanbaev: the Problem of Reception and the Source of the Translation.....	161
O.V. Perova. Arrangement of Psalms in Contemporary Russian Spiritual Poetry.....	167

Philology: people, facts, events

Zh.A. Golenko. International Conference «XI Pospelovsky Readings 2013. Hermeneutics. Interpretation. Textual Criticism – in the New Millennium» (Moscow, Moscow State University, December 20–21, 2013)	174
T.V. Chernyshova. International Scientific Conference «RÓŻNORODNOŚĆ KULTUROWA A STYL» (Opole, September 18–19, 2013, Poland).....	177
L.N. Tybykova. All-Russian Olympiad in Turkic Languages and Literature in Gorno-Altai State University	179
Summary	182
Issues content for 2014	202
Our authors	207